

В диссертационный совет
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 82

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Брысина Алексея Андреевича

«Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся или новым
обстоятельствам при “кредиторском пересмотре” и признании решений
собраний недействительными» по специальности 5.1.3 Частно-правовые
(цивилистические) науки, представленную на соискание ученой степени
кандидата юридических наук, выполненную на кафедре гражданского права и
процесса юридического факультета им. М. М. Сперанского Института права и
национальной безопасности Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Российская академия
народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»

Диссертационное исследование А. А. Брысина посвящено актуальной
теме – производству по пересмотру вступивших в законную силу судебных
актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

Несмотря на то, что проблематика производства по пересмотру
вступивших в законную силу судебных актов по новым или вновь
открывшимся обстоятельствам разрабатывалась многими учеными, все еще
обнаруживаются касающиеся этой стадии вопросы. В свою очередь в
рецензируемой диссертации можно обнаружить вполне обоснованные ответы
на некоторые из них.

Диссертант обращается не только к работам ученых – специалистов в
процессуальном праве, но также и исследователей, занимающихся
гражданским материальным правом, что обогащает исследование.

В целом стоит поддержать идущую сквозной линией через всю
диссертационную работу мысль, согласно которой процессуальное
законодательство должно обеспечивать всемерную защиту различных

субъективных прав и законных интересов, в том числе и путем расширения возможностей, так сказать, классического процессуального инструментария, к которому относится и производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам.

По мнению оппонента, следует согласиться с рядом сделанных в работе выводов.

В частности, заслуживают внимания предложение, согласно которому *de lege ferenda* вступившие в законную силу судебные акты по вновь открывшимся или новым обстоятельствам должны во всяком случае пересматриваться судом первой инстанции, а также критика существующего в настоящее время порядка пересмотра.

Представляет интерес аргумент соискателя, отмечающего, что рассмотрение заявлений о пересмотре вышестоящими судами приводит к искусственному ограничению количества инстанций, в которые могут обратиться стороны как по результатам рассмотрения заявлений о пересмотре, так и при повторном рассмотрении дела в случае отмены судебного акта из-за наличия новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Заслуживают внимания также и предложения автора, касающиеся оснований для пересмотра по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. В частности, в связи с тем, что по разным категориям споров суды по-разному относятся к возможности пересмотра судебных актов по новому обстоятельству вследствие признания решения собрания недействительным, в целях придания правопорядку большей правовой определенности необходимо дополнить перечень оснований для пересмотра новым обстоятельством – признанием решения собрания недействительным.

Необходимо отметить мнение соискателя о том, что принятый в настоящее время подход, в соответствии с которым вывод о недействительности сделок должен содержаться именно в резолютивной части решения суда, следует признать неверным, ограничивающим в ряде случаев право на судебную защиту, и что констатация факта недействительности

сделки может быть сделана в мотивировочной части судебного акта. Поскольку недействительность решений собраний регулируется аналогичным образом, то и вывод о недействительности решений собраний также может быть сделан как в резолютивной, так и в мотивировочной частях судебного акта.

В диссертации А. А. Брысина имеются и другие интересные и, конечно же, заслуживающие внимания положения.

Практическая значимость исследования заключается в предложениях по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, направленные на повышение гарантий судебной защиты путем упорядочивания как самого механизма пересмотра, так и его оснований.

Текст диссертации отличается логичностью и ясностью изложения. Многие сделанные выводы аргументированы и основаны на комплексном анализе теоретических и эмпирических материалов.

Рецензируемая диссертация соответствует заявленной научной специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки.

Между тем диссертация, как и всякое научное исследование, не лишена недостатков и спорных положений.

1. Делая определенные выводы, автор во многих случаях сразу же предлагает изменять процессуальное законодательство. Однако подобный подход полностью принять нельзя. Думается, что некоторые предложенные в диссертации решения проблемных вопросов вполне эффективно могли бы быть претворены в жизнь путем их закрепления в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ.

2. По мнению рецензента, чрезмерное внимание в работе уделено истории пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам, которая уже много раз освещалась на страницах юридической литературы. В то же время вместо исторической части внимание в работе вполне можно было бы уделить различным в недостаточной степени разработанным частным или даже общим вопросам. Например, поднять вопрос о соотношении пересмотра

по вновь открывшимся и новым обстоятельствам с правом на предъявление нового иска, так как отдельные вновь открывшиеся и новые обстоятельства способны образовывать новое основание для иска, который, соответственно, не будет тождественен тому, по которому уже было вынесено решение.

3. Иногда автор принимает как бесспорные подходы к решению определенных правовых вопросов, которые таковыми в действительности не являются. Например, в исследовании упоминаются некоторые предложенные наукой подходы к праву на иск и без какой-либо аргументации делается вывод, что они не в полной мере отражают сущность такого права. Автор буквально утверждает следующее: преобладающей концепцией на сегодняшний день является рассмотрение права на иск в совокупности через материальный и процессуальный аспекты, которые в единстве и составляют право на иск. Под материально-правовым аспектом понимается право на удовлетворение материального требования (включая право на восстановление прав и право на возмещение ущерба), а под процессуально-правовым – деятельность уполномоченного субъекта (суда) с использованием всех гарантий при рассмотрении дела.

В рамках формата рецензии нет смысла приводить аргументы против указанного подхода к праву на иск, с которым солидарен автор диссертации. Однако замечу, что и в настоящее время представители сразу нескольких научных школ этой позиции не придерживаются (в частности, школы МГЮУ (МГЮА) и УрГЮУ). Следовательно, беспелляционно называть именно указанный подход безусловно правильным или получившим наибольшее распространение, вряд ли допустимо, по крайней мере в ситуации, когда такое утверждение базируется лишь на ссылке на отдельные работы некоторых других авторов.

4. Аналогичный недостаток имеется и в той части работы, в которой рассматривается вопрос о правовой природе органа юридического лица. Автор утверждает, что преобладающей в гражданском праве является теория,

согласно которой исполнительный орган корпорации является ее представителем.

Такое категоричное утверждение не может основываться только на отдельных научных статьях и судебной практике. Более того, известно, что в 2014 г. в абз. 1 ч. 1 ст. 53 ГК РФ об органах юридического лица была внесена ссылка на п. 1 ст. 182 ГК РФ «Представительство». Однако уже в 2015 году эта ссылка из ГК была исключена. На то, что орган юридического лица в действительности не является его представителем обращали внимание, в том числе некоторые из самых видных представителей отечественной цивилистической доктрины как советского (например, Б. Б. Черепахин, С. Н. Братусь, В. А. Рясенцев,) так и современного периода (О. Н. Садиков, Е.А. Суханов, В. А. Белов). Ими приводились, на мой взгляд, убедительные аргументы в подтверждение своей позиции, которые, конечно же, нельзя игнорировать.

5. Автор диссертации верно пишет, что закон о банкротстве на протяжении длительного времени по сути запрещал подвергать сомнению требование кредитора в части наличия самого требования и его размера (за исключением очередности погашения), когда имеется вступивший в законную силу судебный акт о взыскании с должника задолженности. Фактически можно говорить, что законодатель исходил из абсолютной силы действия судебных актов.

Судя по написанному, автор убежден в том, что истоки расширительного подхода к законной силе судебных решений проистекают из принципа объективной истины, присущей процессуальному праву в XX веке. При этом, по его мнению, замена принципа объективной истины на принцип состязательности и следующий за ним принцип установления формальной («судебной») истины, исключает возможность противопоставления судебного акта из одного дела неограниченному кругу лиц.

В данном случае следует обратить внимание на несколько обстоятельств.

Во-первых, отнюдь не бесспорно утверждение, что в современном судопроизводстве отсутствует принцип объективной истины. Замечу, что противоположной точки зрения придерживались как видные ученые – разработчики ГПК и АПК РФ 2002 года, например, профессора А. К. Сергун и М. С. Шакарян, так и многие другие известные ученые, в частности, профессора А. Т. Боннер и Т. В. Сахнова.

Более того, по моему мнению, без действия указанного принципа попросту невозможно достижение такой магистральной цели судопроизводства, как защита субъективных прав, свобод и законных интересов, поскольку во многом благодаря именно этому принципу обеспечивается установление юридических фактов, без которого обнаружить нарушение, а соответственно и осуществить защиту указанных объектов попросту невозможно.

Заблуждением является и то, что принцип объективной истины был якобы смещен принципом состязательности. Дело в том, что состязательность судопроизводства не просто не противна установлению объективной истины, а в действительности обеспечивает его как минимум потому, что вне принципа состязательности попросту невозможна беспристрастность суда, без которой, в свою очередь, не может быть установлена и объективная истина.

Во-вторых, принцип объективной истины в том контексте, о котором пишет автор диссертации, вряд ли стоит считать первопричиной расширенной силы судебных актов в делах о банкротстве. Несмотря на всеобщее признание указанного принципа в советской доктрине и практике, в то время не было каких-либо аналогов современного действия законной силы судебных постановлений в делах о банкротстве. Более того, ученые того периода, например М. А. Гурвич, утверждали, что если бы законная сила судебного решения распространялась на лиц, которые участия в деле не принимали, это вело бы к нарушению их права на судебную защиту (исключение составляло лишь свойство общеобязательности, не имевшее субъективных пределов).

Расширение действия законной силы судебного решения за счет его распространения на лиц, которые участия в деле не принимали, – это продукт в первую очередь нового времени. Речь идет о действии отнюдь не только судебных постановлений при рассмотрении дел о несостоятельности (банкротстве), но и решений по делам об оспаривании нормативных правовых актов, по делам о защите прав и интересов группы лиц, в первую очередь вынесенных арбитражными судами, и некоторых других.

6. Автору диссертации представляется верным обоснование возможности подачи арбитражным управляющим заявления о пересмотре по вновь открывшимся и новым обстоятельствам исходя из представительской теории, согласно которой управляющие являются представителями корпорации и, по сути, обращаются с заявлением, действуя в интересах третьих лиц, что позволяет говорить о косвенном характере такого обращения.

Под косвенным иском при этом автором понимается ситуация, когда интересы обращающегося лица (процессуального истца) являются производными, а не прямыми, поскольку непосредственным выгодоприобретателем в случае удовлетворения заявленных требований будет не процессуальный, а материальный истец, чьи интересы являются производными. По мнению диссертанта, аналогичная ситуация имеет место и в случае с арбитражными управляющими, которые по своей сути являются представителями *sui generis*, а непосредственными выгодоприобретателями в случае взыскания являются другие лица.

Указанный вывод видится по меньшей мере спорным. Обратим внимание хотя бы на то, что в действительности термин «процессуальный истец» (несмотря на всю его неудачность) в классической процессуальной доктрине обозначает лицо, которое обращается в суд в защиту субъективных прав, свобод, законных интересов других лиц и при этом не обладает в деле никакой личной (материально-правовой) заинтересованностью, а имеет лишь публичную (процессуально-правовую) заинтересованность. Это связано с тем, что решение суда на субъективные права и законные интересы таких

инициаторов процесса никак не влияет. При этом обнаружение у таких лиц какой-либо материально-правовой заинтересованности (прямой или косвенной) должно исключать их участие в деле. В силу этого к таким лицам применимы правила об отводах.

В то же время мы видим, что автор диссертации процессуальным истцом называет инициатора процесса по косвенному иску, который, согласно концепции такого иска, в действительности имеет производный (косвенный) материально-правовой интерес в его исходе. Как известно, именно обладателями такого интереса сторонники концепции косвенных исков признают участников юридического лица, инициирующих рассмотрение некоторых корпоративных споров. В свою очередь, обнаружение такого материального интереса само по себе логически исключает распространение на инициаторов процесса по косвенному иску статуса процессуального истца.

Обратим внимание и на то, что распространение концепции косвенного иска на арбитражного управляющего абсолютно неудачно. Потому что какого-либо материально-правового интереса (как прямого, так и косвенного) у него попросту нет. Поэтому, если уж на то пошло, действуя в интересах других лиц, арбитражный управляющий является, скорее, процессуальным истцом в его традиционном понимании.

Заметим, что диссертант также присваивает арбитражному управляющему статус представителя. То есть не учитывает, что согласно авторитетной процессуальной доктрине и процессуальному законодательству процессуальный истец и представитель – это абсолютно разные и при этом несовместимые статусы.

Попутно высветим также еще одно положение.

В российской доктрине концепция косвенного иска является далеко не общепринятой.

Например, распространение получил подход, согласно которому иски участников юридического лица об оспаривании его сделок или о возмещении ему вреда не являются косвенными, поскольку подаются с целью защиты

прямых (а не косвенных) интересов таких участников (убедительную аргументацию этой позиции см., например, в статьях: Ионова Д. Ю. Косвенные иски как способ защиты участников коммерческих корпораций // Российский судья. №7, 2018; Казиханова С.С. Проблема верного определения процессуального положения корпорации и ее участников, их процессуальных прав и обязанностей по косвенным искам // Законы России: опыт, анализ, практика. № 9, 2021).

По моему мнению, признание того факта, что у участников юридического лица в указанных случаях прямые, а не какие-то косвенные интересы, дает основания считать их истцами в исконном значении этого понятия. В свою очередь, фиксация этого их процессуального статуса позволяет решить многие из проблем, которые возникают при рассмотрении названных выше категорий дел.

Тем не менее замечания не влияют на общую положительную оценку исследования.

Вывод: диссертация Брысина Алексея Андреевича «Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам при “кредиторском пересмотре” и признании решений собраний недействительными» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задач, имеющих важное значение для развития юридической науки и практики, что соответствует требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 и Порядка присуждения ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, утвержденного приказом ректора ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (в редакции приказа от 30 апреля 2025 года № 02-763, приказ об изм. № 02-1313 от 10.07.2025; приказ об изм. 02-1794 от 17.09.2025), а Алексей Андреевич Брысин заслуживает

присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки.

Официальный оппонент
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры процессуального права
ФГБОУ ВО «Всероссийская академия
внешней торговли Министерства
экономического развития Российской
Федерации»

Д. А. Туманов

«4» марта 2026 г.

Сведения об официальном оппоненте:

фамилия, имя, отчество: Туманов Дмитрий Александрович;
ученая степень: доктор юридических наук;
ученое звание: доцент;
научная специальность, по которой защищена диссертация: 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки;
основное место работы: ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации»;
занимаемая должность: профессор кафедры процессуального права;
адрес места работы: 119285, Российская Федерация, город Москва, муниципальный округ Раменки, Воробьевское шоссе, дом 6А;
электронная почта: dtum@mail.ru;
контактный телефон: +79175512699.

